

Научная статья

УДК 94(47).083

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-1-3>

Екатерина Александровна Смирнова

Российская национальная библиотека

Санкт-Петербург, Россия

katerina.a.smirnova@gmail.com;

<https://orcid.org/0000-0002-6266-6444>

Ekaterina A. Smirnova

Russian National Library

St Petersburg, Russia

katerina.a.smirnova@gmail.com;

<https://orcid.org/0000-0002-6266-6444>

**Дисциплинарная система высшей школы столицы начала XX в.:
организация и деятельность профессорского суда***

**Disciplinary system of higher education of the capital in the early 20th century:
the establishment and activities of the professorial court**

Аннотация. В статье рассматриваются правительственные мероприятия по созданию в высших учебных заведениях столицы профессорского дисциплинарного суда, который осуществлял свою деятельность с 27 августа 1902 по 22 февраля 1917 г., работа комиссии по разработке положений о данном органе, основные нормативно-правовые акты его реализации. Исследуются вопросы деятельности профессорского дисциплинарного суда и взаимоотношений между участниками этой дисциплинарной системы: студентами, профессорами, властью. Студенты, представавшие перед профессорским дисциплинарным судом, обвинялись в нарушении норм административного права учебного заведения и по университетскому уставу, а также по правилам вуза, должны были подчиниться его

* Для цитирования: Смирнова Е.А. Дисциплинарная система высшей школы столицы начала XX в.: организация и деятельность профессорского суда // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* – 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 106–145. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-1-3>

For citation: Smirnova, E. “Disciplinary system of higher education of the capital in the early 20th century: the establishment and activities of the professorial court.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 1 (2021): 106–45, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-1-3>

© Смирнова Е.А., 2021

© Smirnova E., 2021

решению. В таком же положении подчиненности находились и профессора, членство в Совете учебного заведения обязывало их принимать на себя роль судей. В статье объясняется, почему профессорские суды не имели возможности стать автономным органом, а сами профессора не желали брать на себя ответственность судей, и все ли студенты враждебно относились к их работе. Анализируя рассмотренные в то время дела о нарушениях, которые касались правил и порядка в вузе, автор приходит к выводу, что обеспечить порядок и создать условия для восстановления должного течения учебной жизни с помощью введения системы вузовского дисциплинарного судопроизводства не удалось. Компромисс между властью и студенчеством, которому должно было поспособствовать существование профессорского суда, не был достигнут. Сопrotивление со стороны студенчества и профессоров вынудило Министерство народного просвещения пересмотреть необходимость существования подобных судов и исключить их из проекта нового университетского устава.

Ключевые слова: история высшего образования, студенческое движение, профессорский дисциплинарный суд, высшие учебные заведения, профессора, воспитание, временные правила, образовательное право.

Abstract. The article considers government measures to establish professorial disciplinary court at higher education institutions of the capital (the court conducted its work from August 27, 1902 to February 22, 1917), the work of the commission on the development of regulations for this body, and the main normative legal acts to implement it. The article examines the issues of the activity of the professorial disciplinary court and the relationship between the participants of this disciplinary system: students, professors, and the authorities. The students who appeared before the professorial disciplinary court were accused of violation of the norms of administrative law of their educational institution, and in accordance with the university charter and the rules of the university, they had to abide by the decision of the court. Professors were in the same position of dependence: membership in the Council of the educational institution obliged them to assume the role of judges. The article explains why the professorial courts did not have the opportunity to become an autonomous body, why the professors themselves did not want to take on the responsibility of judges, and whether all students were hostile to their work. Analyzing the cases of violations which were considered at that time and concerned the rules and order at a university, the author comes to the conclusion that it was not possible to ensure order and create conditions for the restoration of the proper course of academic life by introducing the system of university disciplinary proceedings. The compromise between the authorities and the students, which should have been facilitated by the existence of the professorial court, was not reached. Resistance from students and professors forced the Ministry of Public Education to reconsider the need for the existence of professorial courts and exclude them from the draft of the new university charter.

Key words: history of higher education, student movement, professorial disciplinary court, higher education institutions, professors, upbringing, provisional rules, educational law

Введение

Одним из перспективных направлений в исследовании столичного студенчества начала XX в. представляется изучение взаимоотношений между студентами и преподавателями. Важной частью этих отношений являлась

система дисциплинарных мер, применяемых к учащимся со стороны профессоров, реализованная через деятельность профессорского дисциплинарного суда (далее – профессорский суд), в компетенцию которого входило рассмотрение дел, связанных с проступками студентов.

Профессорские суды в вузах Российской империи действовали с 27 августа 1902 по 22 февраля 1917 г.¹

В случае совершения проступка или правонарушения студент подлежал воздействию общих судов за нарушения, предусмотренные Уложением о наказаниях, и воздействию профессорского суда за нарушения, относящиеся к порядкам и правилам вуза².

Проблемам высшей школы посвящено достаточно много отечественных³ и зарубежных⁴ исследований, однако *историография темы* ограничивается рядом статей, которые представляют интерес преимущественно для

¹ О профессорском дисциплинарном суде // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). – Ф. 14 (Императорский Петроградский университет). – Оп. 1. – Д. 11163. – Л. 1.

² Данилевский В.Я. Доклад по вопросу о суде студенческой чести. – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1902. – С. 5.

³ Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова, 1984; Брачев В.С. Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. – Санкт-Петербург: Астерион, 2014; Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012; Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под редакцией Т. Маурер и А. Дмитриева. – Москва: Новое литературное обозрение, 2009; Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. – Москва: Наука, 1966; Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. – Москва: Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1991; Ростовцев Е.А. Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / составитель А.Ю. Андреев. – Москва: РОССПЭН, 2009. – С. 139–156.

⁴ Alston P.L. Education and the State in Tsarist Russia. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1969; Brower D.R. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1975; Gilbert G. The radical right in late imperial Russia. – London; New York: Routledge, 2016; Kassow S.D. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. – Berkeley: University of California Press, 1989; Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998; Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. – New York: Oxford University Press, 1998.

правоведов. Специальных исторических исследований, посвященных профессорскому судопроизводству в вузах имперской столицы, не проводилось.

Первой историко-правовой работой, осветившей деятельность профессорского дисциплинарного суда на примере Московского университета, явилась статья Л.В. Головки и Н.В. Ильютченко⁵. В ней представлен институциональный взгляд на данный вид судопроизводства, который отражает теоретические представления создателей профессорских судов о его работе, а также ежегодные судебные отчеты по ней, но при этом авторы не обращаются непосредственно к судебной практике. Т.И. Ерёмина, помимо рассмотрения правовых аспектов, определила подобные суды как одно из условий существования университетской автономии. Однако на практике профессорские суды рассматривались властью с позиций общего судопроизводства и такой подход приводил к тому, что наличие судебного органа в стенах университета становилось нецелесообразным. В качестве подтверждения исследователь приводит отсутствие положений об университетском суде в проектах устава, разрабатывавшихся в начале XX в.⁶ В.В. Суязовым было установлено, что создание судов представляло собой компромисс между интересами администрации вузов и студенчеством. С одной стороны, это позволило снизить нагрузку на университетское правление, а с другой – отвечало интересам студентов, которые были недовольны тем, что правление занималось судопроизводством⁷.

Источниковая база исследования сформирована законодательными актами: временными правилами для профессорских судов⁸; делопроизводственными материалами, которые представлены инструкцией профессорским судам⁹, проектом университетского устава, протоколами дисциплинарных судов¹⁰,

⁵ Головка Л.В., Ильютченко Н.В. Профессорский дисциплинарный суд при Императорском Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2004. – № 6. – С. 94–110.

⁶ Ерёмина Т.И. Университетский суд как элемент правового статуса университетов Российской империи // Правовая инициатива. – 2014. – № 4. – URL: <http://внпж.рф/ru/2014/4/7> (дата обращения: 06. 05. 2020).

⁷ Суязов В.В. Профессорский дисциплинарный суд в вузах Российской Империи // Вестник науки и образования. – 2015. – № 5 (7). – С. 101–105.

⁸ Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения // Правительственный вестник. – 1902. – № 189 (28 августа).

⁹ Инструкция профессорскому дисциплинарному суду при университетах от 24 января 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 год. – Санкт-Петербург: Типография М.В. Вольфа, 1909. – № 64. – С. 93–95.

¹⁰ О профессорском дисциплинарном суде // ЦГИА СПб. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 11163; О профессорском дисциплинарном суде // ЦГИА СПб. – Ф. 963 (Горный институт). –

впервые введёнными в научный оборот (рассмотрены дела по 38 заседаниям, на которых было разобрано 15 дел¹¹), отчётами комиссий по преобразованию высших учебных заведений, протоколами советов вузов; источниками личного происхождения, которые представлены выявленными записками профессоров, отражающими их отношение к подобным судам и личный опыт деятельности в судопроизводстве¹², воспоминаниями бывших студентов¹³.

Задача исследования заключается не только в том, чтобы представить организацию профессорского суда, но и определить отношение трех взаимодействующих акторов (профессоров, студентов, власти) к этой форме дисциплинарного воздействия на студентов.

Профессорские суды: создание и деятельность

24 августа 1902 г. были утверждены Временные правила о профессорском суде в высших учебных заведениях (далее – правила)¹⁴. Профессорский суд был создан для рассмотрения дел о нарушении учащимися порядка в зданиях вузов, о столкновениях с преподавателями, должностными лицами или между студентами.

Профессорский суд вводился как временная мера. По проекту Г.Э. Зенгера, товарища министра народного просвещения в 1901 г., планировавшего реформу высшего образования и разработку нового университетского устава, состав суда должен был состоять из профессоров, которые признавали бы своей

Оп. 2. – Д. 5920; Переписка по дисциплинарным судам профессоров высших учебных заведений // ЦГИА СПб. – Ф. 139 (Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа). – Оп. 1. – Д. 12127; О студенческих беспорядках и профессорском дисциплинарном суде // ЦГИА СПб. – Ф. 113 (Петроградские высшие женские курсы). – Оп. 1. – Д. 25.

¹¹ Справка деятельности профессорского дисциплинарного суда при Императорском Петроградском Университете за время 1902–1916 гг. // ЦГИА СПб. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 11163. – Л. 5 (Профессорский дисциплинарный суд). Всего же дисциплинарными судами было рассмотрено, по авторским подсчетам, более 28 дел.

¹² По участию в профессорском дисциплинарном суде // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее – Архив РАН СПб.). – Ф. 162 (Стеклов В.А.). – Оп. 3. – Д. 80; Об устройстве политических митингов в зданиях, предназначенных для высшего преподавания. Тетрадь. 1907 г. // Архив РАН СПб. – Ф. 103 (Ковалевский М.М.). – Оп. 3. – Д. 45.

¹³ *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: в 2 т. – Москва: Новое литературное обозрение, 2004. – Т. 1; *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. – Москва: Феникс, 1992.

¹⁴ Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения // Правительственный вестник. – 1902. – № 189 (28 августа).

обязанностью оказывать возможное нравственное влияние на студентов¹⁵, а также, будучи независимым, он должен был явиться «мерой, предполагающей коренную реорганизацию на началах автономии и свободы преподавания»¹⁶.

Именованное «профессорским» объяснялось его составом. Ежегодно в университете из числа профессоров избиралось пять судей и пять кандидатов¹⁷. В других вузах допускался сокращенный состав – трое судей и трое кандидатов¹⁸.

В суд дело передавал глава учебного заведения. Он же по просьбе попечителя должен был уведомить того о решении по рассмотренному делу. Интерес к делам профессорских судов проявляло и Министерство внутренних дел (далее – МВД):

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать уведомить, какие меры приняты университетским начальством в отношении студентов, виновных в устройстве означенной сходки (12 сентября 1908 г.), и в частности, привлечены ли они к Университетскому суду¹⁹.

Ведению суда подлежали: совершенные в зданиях или учреждениях учебного заведения серьезные нарушения установленных правил; дела о столкновениях между учащимися и преподавателями (или должностными лицами); дела о проступках учащихся, наказания за которые не были предусмотрены общими законами, но имели предосудительный характер; а также те проступки студентов, по которым уже были оглашены приговоры или определения общих судебных установлений²⁰. В 1903 г. из его полномочий

¹⁵ Проект студенческого суда // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 733 (Департамент народного просвещения). – Оп. 151. – Д. 297. – Л. 3, 10, 23. (По комиссии товарища министра народного просвещения Г.Э. Зенгера о студенческом суде. 1901–1902 г.).

¹⁶ Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. – Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и К°, 1903. – Вып. 4. – С. 297.

¹⁷ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 год. – Санкт-Петербург: Типография Б.М. Вольфа, 1903. – С. 2 (Протокол № 58. Приложение).

¹⁸ Временные правила о профессорском дисциплинарном суде // ЦГИА СПб. – Ф. 963. – Оп. 1. – Д. 5844. – Л. 46 (Дело горного института императрицы Екатерины II. К сведению и руководству).

¹⁹ Делопроизводство: обращение о привлечении к судебной ответственности // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 154. – Д. 159. – Л. 131 (О волнениях среди студентов города Петербурга 1908 г.).

²⁰ От и.о. юрисконсульта Министерства народного просвещения к Г.К. Ульянову // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 154. – Д. 190. – Л. 19–20 (О профессорском дисциплинарном суде 24 апреля 1908 г.).

были изъяты дела о политических демонстрациях, переданные администрациям учебных заведений, а более тяжкие – попечителям²¹, что неизбежно привело к насаждению суда административных органов. Профессора были против восстановления практики массовых исключений, ведь каждый такой случай будоражил студенчество, желающее заявить сочувствие пострадавшим товарищам, и создавал затяжной кризис в вузовской жизни²².

Относительно принятия судебных решений, обратим внимание на то, что профессорам было присуще отеческое отношение к своим студентам²³, что ограничивало возможность применения суровых мер. Профессора не могли не принимать во внимание настроений внутри студенческой среды, с которой их связывал преподавательский долг.

Если в студенческом проступке присутствовала уголовная составляющая, то студент подлежал разбирательству и в профессорском, и в общем суде²⁴. На практике профессорский суд зачастую считал угрозу уголовного наказания достаточной мерой и отказывался от дальнейшего преследования. Например, студент физико-математического факультета университета В. Резник за безобразное поведение в ресторане и обвинение в краже был освобожден от профессорского суда в 1912 г. в связи с тяжестью предъявленного обвинения²⁵. Если дисциплинарное взыскание применялось наряду с уголовным, то профессора учитывали факт применения уголовного наказания как смягчающее обстоятельство и ограничивались выговором²⁶.

Система мер дисциплинарной ответственности была установлена правилами о взысканиях и включала наказания в диапазоне от вынесения замечания до исключения из учебного заведения без права поступления в

²¹ От и.о. юрисконсульта Министерства народного просвещения к Г.К. Ульянову // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 154. – Д. 190. – Л. 19.

²² Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 год. – Санкт-Петербург: Типография М.В. Вольфа, 1908. – С. 334 (Протокол № 63).

²³ Записка В.А. Стеклова об отказе участия в деятельности профессорского дисциплинарного суда // Архив РАН СПб. – Ф. 162. – Оп. 3. – Д. 80. – Л. 4 (По участию в профессорском дисциплинарном суде).

²⁴ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 год. – С. 4 (Протокол № 58. Приложение).

²⁵ Справка о деятельности профессорского дисциплинарного суда // ЦГИА СПб. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 11163. – Л. 9 (О профессорском дисциплинарном суде).

²⁶ Дело о привлечении к профессорскому дисциплинарному суду С.Н. Кириллова // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 153. – Д. 330. – Л. 37 (Об арестах, исключениях, подчинение гласному надзору полиции и с воспрещением педагогической деятельности, январь 1907 – февраль 1908 гг.).

другие высшие учебные заведения²⁷. М.М. Ковалевский, профессор права и председатель профессорского суда Императорского Санкт-Петербургского университета, считал, что суду желательно предоставить простор для определения степени личной виновности каждого из подсудимых, что вполне соответствовало основной идее суда – разбирательству каждой отдельной ситуации²⁸.

Передача дел профессорскому суду производилась от главы вуза через инспектора, примерно так, как это имело место в 1913 г. в Горном институте:

Директор просит профессорский суд рассмотреть поступок студента Яковлева П.И., нанесшего студенту Геллеру С.А. оскорбление действием в публичном месте (в столовой Горного института 15 ноября 1913 г.)²⁹.

Председатель суда повесткой через секретаря созывал заседание: «канцелярия института просит Вас пожаловать в понедельник 6 мая в 11 часов утра в помещение геологического кабинета»³⁰, на котором решался вопрос о подсудности дела. Подобную повестку получали обвиняемый и свидетели³¹.

За неявку к суду по вызову, равно как и за ложное показание, данное на суде, обвиняемый подвергался взысканию даже в том случае, когда он был оправдан по предмету обвинения³².

Порядок допроса можно восстановить по следующему описанию:

Председатель суда, профессор Фойницкий спрашивал: кто был председателем, говорил ли такой-то. Когда допрашиваемые отказывались отвечать, им заявляли: единственное средство вам оправдаться – это назвать

²⁷ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 год. – С. 10–11 (Протокол № 58).

²⁸ Ковалевский М.М. О мирном течении университетской жизни // Архив РАН СПб. – Ф. 103. – Оп. 3. – Д. 45. – Л. 9 (Об устройстве политических митингов в зданиях, предназначенных для высшего преподавания. Тетрадь. 1907 г.).

²⁹ Обращение директора института к председателю профессорского дисциплинарного суда // ЦГИА СПб. – Ф. 963. – Оп. 1. – Д. 5920. – Л. 31 (О профессорском дисциплинарном суде. 1913 г.).

³⁰ Приглашение членов профессорского дисциплинарного суда на заседание // ЦГИА СПб. – Ф. 963. – Оп. 1. – Д. 5920. – Л. 16, 21.

³¹ Повестка-приглашение на заседание профессорского дисциплинарного суда // ЦГИА СПб. – Ф. 963. – Оп. 1. – Д. 5920. – Л. 4.

³² Приговор за неявку к профессорскому дисциплинарному суду женского медицинского института // ЦГИА СПб. – Ф. 436 (Петроградский женский медицинский институт). – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 99 (Переписка с попечителем Петербургского учебного округа об организации студенческих учреждений и введении новых временных правил. Списки слушательниц института).

фамилию виновного. При этом показывались фотографические карточки, делались очные ставки³³.

Информация об избрании судей, возбуждении дел судом и судебные приговоры публиковались в прессе, как правило, в разделе «В учебных заведениях», как своего рода отчет о том, что обстановка в вузах находится под контролем³⁴.

Особой категорией дел, рассматриваемых профессорским судом, были дела о студенческих сходках. Возникал ряд вопросов: как производить разбирательство, если в сходке участвует свыше 300 человек, какие последствия могут быть у приговора, как мотивировать отказ от рассмотрения подобного дела и пр. В случаях невозможности определения виновных из-за массовости участников противоправных действий, в рассмотрении дела судом отказывалось, как это случилось в 1908 г. в Санкт-Петербургском технологическом институте:

... на сходке студентов института, происходившей с 3 ½ до 9 часов вечера 23 сентября [1908 г.] при участии 1470 студентов, был поднят вопрос о забастовке. <...> Профессорский суд отказал в рассмотрении дела из-за невозможности установить виновных³⁵.

В этом же году имел место подобный отказ в профессорском суде Университета, при рассмотрении дела о собрании, состоявшемся в феврале 1908 г., на котором присутствовало 5000 человек³⁶.

В год своего создания профессорский суд фактически бездействовал. Профессорам и студентам необходимо было время, чтобы ознакомиться с новыми правилами³⁷. Новость о появлении судопроизводства была встречена студентами неоднозначно. Все понимали, что через год или два судьей

³³ Дисциплинарные суды // Студенческие отклики. – 1907. – 24 сентября.

³⁴ В учебных заведениях // Речь. – 1909. – 2 октября; Там же. – 4 октября.

³⁵ Управляющему С.-Петербургского учебного округа от директора С.-Петербургского технологического института // ЦГИА СПб. – Ф. 492 (Петроградский технологический институт императора Николая II). – Оп. 2. – Д. 9917. – Л. 10 (Дело о прошедшей студенческой забастовке, по поводу циркуляров г. министра народного просвещения 26 мая и 25 июня).

³⁶ Обращение ректора И.И. Боргмана к проректору Ф.А. Брауну // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 154. – Д. 159. – Л. 22–22 об. (О волнениях среди студентов города Петербурга 1908 г.).

³⁷ Приговор профессорского дисциплинарного суда // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 151. – Д. 299. – Л. 131 (О профессорском дисциплинарном суде 1904–1906 гг.).

окажется их преподаватель, а обвиняемым может стать либо сам студент, либо любой из его соучеников³⁸.

По отношению к профессорам, участвующим в деятельности суда, студенчество условно можно разделить на несколько групп.

Представители первой полагали, что профессора не понимают студенческих мотивов и боятся поддержать своих учеников. Участие профессоров в суде рассматривалось как компромисс с властью и оценивалось как предательство. Студенты опасались, что суды станут зависимым органом, а правительство руками профессоров начнёт очищать вузы от неблагонадежных элементов:

Правительство в лице профессорского суда хорошо учло новый тип выступления студенчества, оно знало, что за такую сходку профессорский суд будет достойным судом. Наиболее скомпрометировавшие себя студенты удостоились не от жандармов, а от профессоров получить «волчий» паспорт, т.е. исключение без права поступления³⁹, –

вспоминал студент Н.В. Дорошенко. На подобное досадовал и Н.П. Анциферов:

Каково же было наше негодование, что президиум нашей сходки исключен! ... и кем же? Нашими же профессорами! <...> Я не мог согласиться с тем, что у наших профессоров «мелкая душонка». Надо узнать, чем вызвана столь несправедливая мера⁴⁰.

Ставилась под сомнение и компетентность профессорских судов:

Вызванные к жизни желанием справедливого отношения к провинившимся студентам – эти суды проявляли гораздо менее понимания смысла и значения судебных учреждений, чем жандармская власть⁴¹.

Представители второй группы признавали неизбежность существования судов и были убеждены в том, что профессора пытаются оградить студентов от ошибок, совершаемых по неопытности и неразумности. К этой группе можно отнести слушательниц Женского медицинского института в ситуации, когда 17 января 1909 г. директор института С.С. Салазкин был оштрафован на

³⁸ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1902 г. – С. 74 (Протокол № 58).

³⁹ *Дорошенко Н.В.* Возникновение большевистской организации в Петербургском университете и первые годы ее существования // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3 т. / под редакцией В.В. Мавродина. – Ленинград: ЛГУ, 1982. – Т. 2. – С. 48.

⁴⁰ *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. – С. 179–180.

⁴¹ Дисциплинарные суды // Студенческие отклики. – 1907. – 24 сентября.

1000 руб. из-за невозможности установить виновного в хранении преступных воззваний. Чтобы заглушить горечь испытываемой вины, слушательницы собрали деньги для оплаты этого штрафа, но С.С. Салазкин от них отказался, ответив, что откупиться от нравственной ответственности невозможно⁴².

Казалось бы, профессорский суд должен был стать институцией, которая преследовала бы студенческое свободомыслие, но его существование скорее стало призывом к сознательности. В ходе судебного разбирательства 18 октября 1909 г. над авторами обвинительного письма испанскому королю Альфонсо XIII, судом было принято решение перевести его авторов в разряд вольнослушателей, что вызвало негодование в студенческой среде, особенно в социалистической ее части. Вот как объяснял данное решение студенту Анциферову член профессорского суда Н.И. Кареев:

Я один из тех, кто вынес столь возмущивший вас приговор. Понимаете ли, что вы наделали? Посол сейчас же направил жалобу в Министерство внутренних дел. Спасти ваш президиум мы могли только сами, взяв на себя наказание виновных. Мы избрали самое слабое – перечислить их в вольнослушатели. Ваши товарищи в лучшем случае были бы арестованы и сосланы⁴³.

По этому приговору, несмотря на принятые 11 июня 1907 г. правила, запретившие все сходки и студенческие собрания неакадемического характера, за указанное постановление и резолюцию в студенческом собрании⁴⁴ только двое студентов были переведены в вольнослушатели⁴⁵.

Профессорский суд был снисходителен, если дело касалось идейных разбирательств, поскольку сами члены суда не стеснялись «острот, едких

⁴² От управляющего С.-Петербургским учебным округом директору Женского медицинского института // ЦГИА СПб. – Ф. 436. – Оп. 3. – Д. 10. – Л. 1, 3 (Секретная переписка. Циркуляры управляющего С.-Петербургским учебным округом и переписка с петербургским губернским жандармским управлением по личному составу слушателей института. 17 января 1909 г.).

⁴³ *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. – С. 180.

⁴⁴ 11 июня 1907 г. были утверждены «Временные правила о студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений», согласно которым в помещениях вузов разрешались собрания только академического характера. Ответственность за разрешение собраний и студенческих организаций возлагалась на руководство учебного заведения, представительные студенческие органы запрещались. См.: П.А. Столыпин: Программа реформ: документы и материалы: в 2 т. Т. 2 / под общей редакцией П.А. Пожигайло. – Москва: РОССПЭН, 2011. – С. 508.

⁴⁵ Профессорский дисциплинарный суд // ЦГИА СПб. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 11163. – Л. 5 (О профессорском дисциплинарном суде).

замечаний в адрес партии политического мракобесия»⁴⁶. М.М. Ковалевский в своих записках, посвященных образовательной политике, отмечал:

вековой опыт народов, пользующихся политической свободой, доказывает, что открытое высказывание своих мыслей, несравненно менее опасно для порядка и спокойствия государства, чем затаивание. Митинги оканчиваются представлением коллективных ходатайств, в которых приводятся средние мнения. В келейном же молчании приготавливаются заговоры и политические перевороты⁴⁷.

Когда речь заходила о рассмотрении дела о сходке, В.А. Стеклов, профессор математики и член профессорского дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета, буквально впадал в ярость:

Свободу студенческому голосу. Всякий голос из студенческой среды подавляется, попытка обсуждения в кругу товарищей своих университетских дел приурочивается к государственному преступлению. Юношеству, под страхом наказания, запрещают говорить и думать о своих насущных интересах, даже в своих университетах. Это издевательство над бессильными⁴⁸.

Наконец, представители третьей группы считали, что в существовании профессорского суда нет необходимости, если речь идет о вопросах студенческой чести, альтернативой (или в сотрудничестве) профессорскому суду должен был выступить студенческий суд, попытки создания которого предпринимались в Технологическом и Лесном институтах⁴⁹.

Во многом отношение к суду представителей всех направлений определялось политическими настроениями, но все же и студенты, и профессора пытались сохранить уважительные внутрикорпоративные отношения⁵⁰.

⁴⁶ Амфитеатров А.В. Воспоминания. – Т. 1. – С. 119.

⁴⁷ Ковалевский М.М. О митингах // Архив РАН СПб. – Ф. 103. – Оп. 3. – Д. 45. – Л. 10 (Об устройстве политических митингов в зданиях, предназначенных для высшего преподавания. Тетрадь. 1907 г.).

⁴⁸ Записка В.А. Стеклова «Свобода студенческому голосу» // Архив РАН СПб. – Ф. 162. – Оп. 3. – Д. 113. – Л. 3 об. (Об общественном движении в русской высшей школе (заметки, копии документов и статей).

⁴⁹ Данилевский В.Я. Доклад по вопросу о студенческом суде чести. – С. 9; Из провинции: Санкт-Петербургский университет // Студенческая газета. – Москва. – 1906. – 28 октября; В учебных заведениях // Новое время. – 1909. – 18 января.

⁵⁰ Анциферов Н.П. Из дум о былом. – С. 180.

По характеру дел можно заключить, что, несмотря на презрительное отношение к суду как форме дисциплинарного воздействия, когда речь шла о делах, которые дискредитировали понятие студенческой чести (о нанесении оскорбления, краже), студенты поддерживали судебные решения.

Первым испытал введение профессорских судов столичный Университет. Известие о восстановлении института профессорских судов, закрытого в 1884 г. по новому университетскому уставу, было принято Советом в штыки. 16 сентября 1902 г. профессор А.А. Марков, обсуждая циркулярные предложения Министерства народного просвещения (далее – МНП), заявил, что у профессоров есть другие обязанности. Он отказался от выборов в состав судей, так как считал, что это помешает профессорам выполнять свои прямые обязанности⁵¹.

Профессора не спешили исполнять свою судебную повинность. По причине обвинения в затягивании дела 16 марта 1904 г. члены суда сообщили попечителю о своем коллективном отказе продолжать работу в составе профессорского суда. По этой причине они были обвинены попечителем в том, что «подачею заявления нарушили закон, определяющий обязанности, как профессора, так и члена дисциплинарного суда»⁵². Профессорам напомнили о том, что они должны проявлять уважение к возложенным на них судебным обязанностям.

Еще через пять лет, 17 декабря 1907 г., с началом периода реакции, возлагавшей на суды определенные надежды в вопросе успокоения студенчества, В.А. Стеклов высказывался принципиально против профессорского суда. С его точки зрения, обязанности члена суда были несовместимы со званием профессора, и институт дисциплинарного суда ничего, кроме вреда, принести не мог⁵³. Главной целью профессорско-преподавательского состава, по его мнению, было достижение взаимопонимания и соглашения со студентами:

Нас систематически разъединяют с тем, что у нас есть самое близкое и самое дорогое – с нашими детьми. Для нас правительство ставит дилемму: "или откажитесь от всякого влияния на своих сыновей и дочерей и предоставьте их

⁵¹ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1902 г. – С. 74 (Протокол № 58).

⁵² Официальное письмо попечителя Харьковского учебного округа и протокол распорядительного заседания Харьковского дисциплинарного суда от 16 марта 1904 г. // Архив РАН СПб. – Ф. 162. – Оп. 3. – Д. 80. – Л. 4, 5 (По участию в профессорском дисциплинарном суде).

⁵³ Протоколы заседаний Совета императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. – С. 336 (Протокол № 63).

в наше распоряжение или же за малые противоречия нашим велениям они будут изгнаны из Университета"⁵⁴.

Предполагалось, что участвовать в выборах будут только те профессора, которые дадут согласие. Однако при первых же выборах трое из пятерых избранных профессоров отказались от возлагаемых судейских обязанностей⁵⁵. Исключительно добровольное участие оказалось невозможным. В Университете состояло в штате около 30 ординарных профессоров⁵⁶, каждый год избиралось по 5 судей и 5 кандидатов. Складывалась ситуация, что рано или поздно каждому профессору должна была выпасть эта обязанность.

В непродолжительный период автономии университетов (начавшийся с введением Временных правил 27 августа 1905 г. и завершившийся принятием Временных правил 11 июня 1907 г.⁵⁷), в который деятельность судов была парализована, профессора Университета отказывались принимать меры по предотвращению сходов, а после предавать президиум сходов суду⁵⁸.

Декан юридического факультета Д.Д. Гримм ранее также высказывал идею о ликвидации профессорского суда, неслучайно он поддержал это предложение В.А. Стеклова. Выражая мнение Совета университета в 1907 г., он предлагал прекратить деятельность профессорского суда, так как в одних высших учебных заведениях фактически его не существует, в других он бездействует, а главное – нужно избавить профессоров от этой участи⁵⁹.

Примером упомянутого бездействия выступал суд в Технологическом институте. Формально существуя, он не действовал до 1904 г. С 1904 по 1907 г. было рассмотрено три дела, и еще в пяти случаях – отказано в рассмотрении. Дисциплинарный суд, по мнению директора Технологического института

⁵⁴ Тетрадь В.А. Стеклова // Архив РАН СПб. – Ф. 162. – Оп. 3. – Д. 113. – Л. 3 (По участию в профессорском дисциплинарном суде).

⁵⁵ Протоколы заседаний Совета императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. – С. 119 (Протокол № 58).

⁵⁶ Личный состав Императорского С.-Петербургского университета. 1908. – Санкт-Петербург: Типография Б.М. Вольфа, 1908. – С. 2–3, 12–13, 21–23, 29–31.

⁵⁷ О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения. 27 августа 1905 г. // ПСЗРИ-3. – Т. 25. – № 26692; О студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений. 11 июня 1907 г. // ПСЗРИ-3. – Т. 27. – № 29274.

⁵⁸ Ответное письмо ректора гг. градоначальнику // Студенческая газета. – Москва. – 1906. – 28 октября.

⁵⁹ Совещание начальников высших учебных заведений под председательством министра народного просвещения Н.М. фон-Кауфмана в апреле месяце 1907 г. – Санкт-Петербург: [б.и.], 1907. – С. 43.

А.А. Воронова, был необходим при решении вопросов административного, но не общественно-политического характера⁶⁰.

Профессорский суд Политехнического института отличался от университетского. С самого начала своего существования институт пользовался свободой внутренней жизни. Новость о введении профессорских судов была враждебно принята его Советом, но компромисс был найден. В правилах Политеха значилось, что только в особо важных случаях, которые могли повлечь за собой увольнение на срок или исключение, Совет института назначал особую комиссию из 3-х профессоров для расследования дела и доклада Правлению. Все остальные студенческие дела назначались на рассмотрение одному из профессоров⁶¹. Таких правил не было больше ни в одном вузе.

Подобное своеволие не могло остаться без внимания МНП. Об этом свидетельствуют постоянные объяснения директора Политехнического института о причине непринятия им мер по проступкам, нарушающим правила. Сколько бы А.Г. Гагарин не убеждал МНП в том, что в институте нет достаточной почвы для революционной пропаганды, в апреле 1907 г. директор, деканы, заведующий студентами были привлечены к ответственности за бездействие в устранении беспорядков, приведших в том числе к хранению оружия в студенческом общежитии. Правление никогда не ставило в вину студентам их политические убеждения, но считало институт местом для науки, где положено заниматься только учебными занятиями. Поприсутствовав при обыске в институте, А.Г. Гагарин после него провел длительную беседу, объясняя студентам, что они могут выпускать пар на студенческих вечеринках (в общежитии, к примеру), но не за институтским столом⁶².

Существование суда было испытанием и для директора Женского медицинского института С.С. Салазкина, который, не дожидаясь обращения от попечителя (с требованием отчета о произошедших событиях и привлечения виновных к суду), созывал заседание профессорского дисциплинарного суда. Имели место и другие причины незамедлительного рассмотрения дел,

⁶⁰ Совещание начальников высших учебных заведений под председательством министра народного просвещения Н.М. фон-Кауфмана в апреле месяце 1907 г. – С. 44.

⁶¹ Санкт-Петербургский политехнический университет в XX – начале XXI в. Исторические очерки о его руководителях / под редакцией Н.П. Гербылевой. – Санкт-Петербург: СПбГПУ, 2005. – С. 21–23.

⁶² Делопроизводство учебного отдела. 24 февраля 1907 г. № 1014. // ЦГИА СПб. – Ф. 478 (Петроградский Политехнический институт императора Петра Великого). – Оп. 14. – Д. 223. – Л. 6 (Сношения с учебным отделом. 1907.). После увольнения А.Г. Гагарина студенческое общежитие было закрыто.

например, когда речь шла о 317 обвиняемых⁶³, участвовавших в сходке 3 октября 1907 г.

В мае 1908 г. директором Женского медицинского института в Совет было внесено предложение о невозможности отказа от избрания членом суда. Статус члена суда накалял отношение не только между профессорами и слушательницами, но и между самими профессорами. Так, профессора В.М. Бехтерев и П.М. Альбицкий обращались к Совету с просьбой снять их кандидатуры, так как они уже исполняли эту обязанность ранее, но им было отказано. Повторное избрание этих профессоров привело к скандалу в Совете⁶⁴.

На министерском совещании в апреле 1907 г. профессор киевских Высших женских курсов Н.М. Бубнов, который был связан со столичным университетом полученным в его стенах образованием и последующими годами преподавания, высказался категорически против дальнейшего существования профессорского суда, ссылаясь на собственный двухлетний опыт работы в суде. Н.М. Бубнов утверждал, что когда речь идет о сходке или нарушении порядка, подобно пению песен в коридоре, то непреодолимым препятствием является невозможность установить виновников проступка. Профессор считал, что, разбирая в основном случаи массовых беспорядков, серьезного значения такой суд иметь не может. Им же была предложена и альтернатива – общий суд из присяжных или сословных представителей. Самое главное заключалось в том, что, по мнению Н.М. Бубнова, профессора должны были быть избавлены от этой повинности⁶⁵.

Мнение профессоров не повлияло на мнение министра народного просвещения. Суд продолжал существование, но его деятельность была усовершенствована. 24 января 1908 г. была принята «Инструкция профессорскому суду», которая должна была унифицировать дисциплинарную систему. Последним столичным вузом, который ввёл новую инструкцию в действие в ноябре 1909 г., стал Горный институт⁶⁶.

⁶³ Прошение директора С.-Петербургского медицинского института С.С. Салазкина // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 153. – Д. 330. – Л. 10 (Об арестах, исключениях, подчинении гласному надзору полиции и с воспрещением педагогической деятельности).

⁶⁴ О выборах в профессорский дисциплинарный суд // ЦГИА СПб. – Ф. 436. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 187 (Дело С.-Петербургского женского медицинского института. Переписка с попечителем С.-Петербургского учебного округа об организации студенческих учреждений и введении новых временных правил, списки слушательниц женского медицинского института).

⁶⁵ Совещание начальников высших учебных заведений под председательством министра народного просвещения Н.М. фон-Кауфмана в апреле месяце 1907 г. – С. 39.

⁶⁶ Учебный отдел Горного института // ЦГИА СПб. – Ф. 963. – Оп. 1. – Д. 5844. – Л. 44 (Дело Горного института императрицы Екатерины II. К сведению и руководству).

Введение инструкции не изменило ситуации. Профессора не могли четко определить свою позицию по отношению к правительству и студенчеству. Так полагал и И.М. Гревс, профессор истории Высших женских (Бестужевских) курсов, причем определение позиции к студентам он считал главной задачей: «Что мы будем делать дальше, что мы будем создавать, а что разрушать?»⁶⁷

Привлеченные для анализа в статье дела можно разделить на 2 группы: 1) дела общественно-политического характера (о сходах, распространении политических воззваний, хранении запрещенной литературы (9 дел)) и 2) дела нравственного характера (о недостойном студенческой чести поведении: оскорблении словом и делом; кражах, списывании (6 дел)), с преобладанием дел общественно-политического характера. Отношение профессоров к делам о студенческой чести свидетельствует о том, что профессорский суд был не только органом дисциплинарного воздействия на студентов, но и выполнял в отношении студентов воспитательную задачу развития представлений о нравственности и студенческой чести.

Создавая профессорские суды, МНП выражало твердую уверенность, что профессора поставят себе в обязанность оправдать доверие, оказанное им вручением внутренней судебной власти. Только взгляды на государственную службу у МНП и профессоров расходились. Последние считали, что в приоритете – образование и нравственное воспитание будущих граждан. Министерство же добавляло к этой задаче также ограждение студентов от общественно-политической деятельности, не допуская мысли, что «дружное и усердное вразумление студентов, в данном случае профессорами, не окажет никакого воздействия на общее настроение умов»⁶⁸.

За время своего существования профессорский суд закрепил за собой важную функцию – нравственное воспитание. 15 января 1908 г. П.А. Столыпин в письме А.Н. Шварцу (вскоре после назначения того министром народного просвещения) указывал на то, что профессора должны как можно больше нравственно воздействовать на студенчество, что будет более эффективным, чем меры по ужесточению и сохранению порядка в стенах вузов⁶⁹.

⁶⁷ Записки И.М. Гревса // Архив РАН СПб. – Ф. 726 (Гревс И.М.). – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 1, 4 (Университет и правительство, профессора и студенты под столыпинским режимом).

⁶⁸ Обращение от канцелярии Министерства народного просвещения к попечителю, 4 января 1902 // ЦГИА СПб. – Ф. 436. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 19 (Переписка с попечителем Петербургского учебного округа об организации студенческих учреждений и введении новых временных правил. Списки слушательниц института).

⁶⁹ Переписка по учебным заведениям // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 154. – Д. 159. – Л. 67 (О волнениях среди студентов города Петербурга).

Конкретная практика судебных заседаний привела к неодобрению судебных решений профессоров со стороны МВД. Переписка между МВД и МНП в январе 1908 г. отразила недоверие не только к профессорам, входящим в состав профессорских судов, но и к вузовскому Правлению. Так было, например, с профессорами университета И.А. Покровским и М.Я. Пергаментом, которых МВД подозревало в необъективности принятия решений и попытках противодействия МНП⁷⁰. Следили и за ректором университета:

... при полном отсутствии надзора, ректор в настоящее время не только не является хозяином вверенного ему учебного заведения, но в большинстве случаев не бывает даже осведомлен о том, что происходит во время волнений в его стенах. Это влечет за собою невозможность привлечения к ответственности (дисциплинарному суду) нарушителей правильного течения учебной жизни⁷¹.

Без ответной реакции не обходилось, на защиту вставала корпорация, общее мнение которой можно выразить словами профессора С.С. Салазкина директора Женского медицинского института:

Советы высших школ, при своем стремлении установить нормальный ход учебной жизни, могут принимать только те меры, которые не противоречат самому духу высшей школы, не противоречат достоинству членов совета и не подрывают его нравственного авторитета, как в его собственных глазах, так и в глазах учащихся. Суд снова образует непроходимую пропасть между студенчеством и профессурой⁷².

Мировая война сместила фокус внимания с дисциплинарной системы вузов. Уже в 1916 г., разрабатывая новый устав, МНП решило прекратить деятельность профессорских судов. Устав принят не был, а последнее дело, рассмотренное профессорским судом при Высших женских курсах, датируется 22 февраля 1917 г.: «за незаконную сходку и обсуждение политических

⁷⁰ Департамент полиции – А.Н. Шварцу // РГИА. – Ф. 733. – Оп. 154. – Д.159. – Л. 1 (О волнениях среди студентов города Петербурга).

⁷¹ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 год. – Санкт-Петербург, 1913. – С. 22 (Протокол № 67).

⁷² Ответ профессора Салазкина на циркуляр от 11 июня 1907 г. // ЦГИА СПб. – Ф. 436. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 177 (Переписка с попечителем Петербургского учебного округа об организации студенческих учреждений и введении новых временных правил. Списки слушательниц института).

вопросов», состоявшуюся 10 февраля, слушательницам было вынесено замечание⁷³. Больше профессорские суды не созывались.

Заключение

Появление профессорского суда – это в первую очередь правительственная реакция на волнения в студенческой среде. Однако при возрождении профессорских судов правительство стремилось не только к установлению спокойствия в вузовской жизни. С одной стороны, оно руководствовалось желанием использовать авторитет профессоров в вопросах восстановления порядка и гражданско-нравственного воспитания, а с другой – создать между студентами и профессорами еще одну границу во избежание их сближения.

Создание профессорских судов было обусловлено необходимостью решения целого ряда задач. Во-первых, требовалось получить возможность для контроля над учащимися в вузе, установить порядок. Правительство рассчитывало, что студентам будет легче принимать наказание от своих преподавателей, что стало бы компромиссом между властью и вузом. Во-вторых, деятельность профессорских судов должна была стать уступкой в плане вузовской автономии, в сфере принятия самостоятельных решений по внутренним вопросам дисциплины (то обстоятельство, что профессорские суды рассматривали дела, направленные сверху, на деле препятствовало реализации данной автономии), и в то же время восстановить границы между профессорами и студентами. В-третьих, необходимо было показать обществу высокую степень доверия, оказываемую профессорам и студентам, первые из которых станут более справедливыми в своих решениях, а вторые – более сознательными под влиянием авторитета своих преподавателей.

Другой вопрос – каким, по мнению студенчества и профессоров, должен был быть профессорский суд. Большинство студентов враждебно отреагировали на участие профессоров в суде, доверительные отношения между ними были подорваны. В представлении студентов, профессора, перейдя под управление правительства, перестали быть независимой корпорацией. Такого мнения придерживались в основном представители оппозиционного студенчества, для которого желание профессоров не вступать в конфронтацию с правительством приравнивалось к трусости. В меньшинстве оказались те, кто свои взаимоотношения с преподавателями ставили выше судебной кафедры и понимали необходимость введения профессорских судов, особенно когда речь

⁷³ Заседание профессорского дисциплинарного суда от 22 февраля 1917 г. // ЦГИА СПб. – Ф. 113 (Петроградские высшие женские курсы). – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 344 (О студенческих беспорядках и о профессорском дисциплинарном суде. 1902–1917 гг.).

касалась сходов по общественно-политическим вопросам, за которые вне стен вуза можно было получить куда более суровое наказание.

Принять на себя должность судьи для большинства профессоров было непростым решением. Всем было ясно, что избежать участия судейства не удастся никому. Профессора призывали студентов к сознательности во избежание дисциплинарных разбирательств и не оценили участия в таком автономном вузовском судопроизводстве, как позиционировало его министерство просвещения.

Проявление вузами независимости и попытки находиться в стороне от системы дисциплинарного воздействия вызывали подозрения и напряжение в отношениях с МНП, которое, в период, последовавший за Первой русской революцией, возлагало большие надежды и ответственность на профессорский суд. Деятельность судов находилась под постоянным контролем правительства из-за подозрения в необъективности выносимых ими решений. Превратить профессорские суды в орган усмирения так и не удалось; призванные судить студентов профессора не могли не принимать во внимание настроения своих учеников.

Introduction

One of the promising areas in the study of the capital students' life in the early 20th century is the study of relationship between students and professors. An important part of these relations was connected with the system of disciplinary measures applied to students by professors which was implemented through the activities of the professorial disciplinary court (hereinafter referred to as the professorial court). The scope of its jurisdiction included cases related to student misconduct.

Professorial courts at the universities of the Russian Empire were in action from August 27, 1902 to February 22, 1917.¹

In the event of a misdemeanor or offense, the student was to be brought to the general court for violations of the Penal Code and to the professorial court for violations related to the rules and regulations of a university.²

¹ “О профессорском дисциплинарном суде” [On the professorial disciplinary court]. Imperatorskii Petrogradskii universitet [Petrograd Imperial University]. F. 14, op. 1, d. 11163, l. 1. Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St Petersburg] (TsGIA SPb), St Petersburg, Russia.

A lot of domestic³ and foreign⁴ studies are devoted to the problems of higher education. However, the *historiography of the subject* is limited to a number of articles which are of interest mainly to legal scholars. Special historical studies devoted to professorial legal proceedings at the universities of the imperial capital have not been conducted so far.

The article by L. Golovko and N. Il'yutchenko⁵ became the first historical and legal work which highlighted the activities of the professorial disciplinary court on the example of Moscow University. It presented an institutional view of this type of legal proceedings, which reflects the theoretical ideas of the founders of professorial courts about their work as well as annual court reports on it but does not directly refer to judicial practice. In addition to considering legal aspects, T. Eremina identified such courts as one of the conditions for the existence of university autonomy. However, in practice, the professorial courts were considered by the authorities from the standpoint of general legal proceedings, and this approach led to the fact that the presence of a judicial body within the walls of a university became inexpedient. As a

² V.Ya. Danilevskii, *Report on the issue of the student honor court* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1902), 5.

³ M.V. Borisenko, *The students of St Petersburg in 1907–1914* (PhD diss. A.A. Zhdanov Leningrad State University, 1984); V.S. Brachev, *Student riots, professorial corporation and government. St Petersburg University in 1907–1911* [in Russian] (St Petersburg: Asterion, 2014); E.A. Vishlenkova, R.Kh. Galiullina, and K.A. Il'ina, *Russian professors: university corporatism or professional solidarity* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012); A.N. Dmitriev, "On the other side of the 'university issue': government policy and social life of Russian higher school (1900–1917)" [in Russian], in *The university and the city in Russia (the early 20th century)*, ed. T. Maurer and A. Dmitriev (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009), 105–204; L.K. Erman, *The intelligentsia in the First Russian Revolution* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1966); A.E. Ivanov, *Higher school of Russia in the late 19th – early 20th centuries* (Moscow: Akademiya nauk SSSR, Institut istorii SSSR, 1991); E.A. Rostovtsev, "Academic corporation of St Petersburg University at the beginning of the 20th century: attitude to the authorities and to civil society" [in Russian], in *'To be Russian in spirit and European in education': Universities of the Russian Empire in the educational space of Central and Eastern Europe in the 18th – early 20th century*, comp. A.Yu. Andreev (Moscow: ROSSPEN, 2009), 139–56.

⁴ P.L. Alston, *Education and the state in tsarist Russia* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1969); D.R. Brower, *Training the nihilists: education and radicalism in tsarist Russia* (Ithaca, New York: Cornell University Press, 1975); G. Gilbert, *The radical right in late imperial Russia* (London; New York: Routledge, 2016); S.D. Kassow, *Students, professors, and the state in tsarist Russia* (Berkeley: University of California Press, 1989); T. Maurer, *Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte* (Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau, 1998); S.K. Morrissey, *Heralds of revolution: Russian students and the mythologies of radicalism* (New York: Oxford University Press, 1998).

⁵ L.V. Golovko and N.V. Il'yutchenko, "Professorial disciplinary court at Imperial Moscow University" [in Russian], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, no. 6 (2004): 94–110.

confirmation, the researcher cites the absence of provisions on the university court in the draft university charters which were developed at the beginning of the 20th century.⁶ V. Suyazov found out that the establishment of professorial courts was a compromise between the interests of university administration and students. On the one hand, this helped to reduce the burden on the university board, and on the other hand, it served the interests of students who were unhappy with the board being engaged in legal proceedings.⁷

The *source base* of the research includes legislative acts: temporary rules for professorial courts;⁸ official records which are presented by instructions to the professorial courts,⁹ the draft of the university charter and records of disciplinary courts;¹⁰ first introduced into scientific circulation cases considered during 38 sessions where 15 cases were examined¹¹, reports of the commissions for the transformation of higher education institutions, minutes of university councils; sources of personal origin where belong notes of professors which reflect their attitude to such courts and personal experience in court proceedings,¹² and memoirs of former students.¹³

⁶ T.I. Eremina, "University court as an element of the legal status of universities in the Russian Empire" [in Russian], *Pravovaya initsiativa*, no. 4 (2014), accessed May 6, 2020, <http://vnpjz.pf.ru/2014/4/7>.

⁷ V.V. Suyazov, "Professorial disciplinary court at the universities of the Russian Empire" [in Russian], *Vestnik nauki i obrazovaniya*, no. 5 (7) (2015): 101–05.

⁸ "Provisional rules on the professorial disciplinary court at higher education institutions of the Ministry of Public Education" [in Russian], *Pravitel'stvennyi vestnik*, August 28, 1902.

⁹ "Instructions to the professorial disciplinary court at universities dated January 24, 1908," in *Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St Petersburg University for 1908*, no. 64 (St Petersburg: Tipografiya M.V. Vol'fa, 1909), 93–95.

¹⁰ "O professorskom distsiplinarnom sude" [On the professorial disciplinary court]. F. 14, op. 1, d. 11163. TsGIA SPb; "O professorskom distsiplinarnom sude" [On the professorial disciplinary court]. Gornyi institut [Mining Institute]. F. 963, op. 2, d. 5920. TsGIA SPb; "Perepiska po distsiplinarnym sudam professorov vysshikh uchebnykh zavedenii" [Correspondence on disciplinary courts of professors of higher education institutions]. Kantselyariya popechitel'ya Petrogradskogo uchebnogo okruga [Office of the trustee of the Petrograd educational district]. F. 139, op. 1, d. 12127. TsGIA SPb; "O studencheskikh besporyadkakh i professorskom distsiplinarnom sude" [On student riots and professorial disciplinary court]. Petrogradskie vysshie zhenskie kursy [Petrograd Higher Education Courses for Women]. F. 113, op. 1, d. 25. TsGIA SPb.

¹¹ "Spravka deyatelnosti professorskogo distsiplinarnogo suda pri Imperatorskom Petrogradskom Universitete za vremya 1902–1916 gg." [Information on the activities of the professorial disciplinary court at the Imperial Petrograd University during 1902–1916]. Professorskii distsiplinarnyi sud [Professorial disciplinary court]. F. 14, op. 1, d. 11163, l. 5. TsGIA SPb. In total, according to the author's calculations, more than 28 cases were considered by disciplinary courts.

¹² "Po uchastiyu v professorskom distsiplinarnom sude" [On participation in the professorial disciplinary court]. Steklov V.A. F. 162, op. 3, d. 80. Sankt-Peterburgskii filial arkhiva Rossiiskoi

The objective of the research consists not only in presenting the organization of the professorial court but also in determining the attitude of three interacting parties (professors, students, and authorities) to this form of disciplining students.

Professorial courts: establishment and activities

On August 24, 1902, Provisional Regulations on the Professorial Court at Higher Education Institutions (hereinafter referred to as the Regulations) were approved.¹⁴ The professorial court was established to consider cases of violation of order by students in university buildings, and clashes with teachers, officials or other students.

The professorial court was planned as a provisional measure. According to the draft by G. Zenger, the Deputy Minister of Public Education in 1901, who planned to reform higher education and develop a new university charter, the court was to include professors who would recognize exerting possible moral influence on students as their duty;¹⁵ also, being an independent body, the court should become “a measure which involved radical reorganization based on autonomy and freedom of teaching.”¹⁶

The reference to the court as ‘professorial’ was explained by its composition. Five judges and five candidates were annually elected at a university from among the professors.¹⁷ Other universities allowed a reduced composition of the court which was to include three judges and three candidates.¹⁸

akademii nauk [St Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences] (Arkhiv RAN SPb), St Petersburg, Russia; “Ob ustroistve politicheskikh mitingov v zdaniyakh, prednaznachennykh dlya vysshego prepodavaniya. Tetrad'. 1907 g.” [On the organization of political rallies in the buildings intended for higher teaching. A notebook. 1907]. Kovalevskii M.M. F. 103, op. 3, d. 45. Arkhiv RAN SPb.

¹³ A.V. Amfiteatrov, *The life of a person who is inconvenient for himself and for many others* [in Russian], vol. 1 (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004); N.P. Antsiferov, *From the thoughts about the past: Memories* [in Russian] (Moscow: Feniks, 1992).

¹⁴ “Provisional regulations on the professorial disciplinary court in higher educational institutions of the Ministry of Public Education”, *Pravitel'stvennyi vestnik*, August 28, 1902.

¹⁵ “Proekt studencheskogo suda” [Student court project]. Po komissii tovarishcha ministra narodnogo prosveshcheniya G.E. Zengera o studencheskom sude. 1901–1902 g. [On the commission of the Deputy Minister of Public Education G.E. Zenger on the student court. 1901–1902]. Departament narodnogo prosveshcheniya [Department of Public Education]. F. 733, op. 151, d. 297, ll. 3, 10, 23. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

¹⁶ *Proceedings of the Highest approved commission for the transformation of higher education institutions* [in Russian], iss. 4 (St Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i K^o, 1903), 297.

¹⁷ “Minutes no. 58. Appendix” [in Russian], in *Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St Petersburg University for 1902*, no. 64 (St Petersburg: Tipografiya M.V. Vol'fa, 1903), 2.

¹⁸ “Vremennye pravila o professorskom distsiplinarnom sude” [Provisional rules on the professorial disciplinary court]. Delo gornogo instituta imperatritsy Ekateriny II. K svedeniyu i

The head of the educational institution sent the case to the court. At the request of the trustee, he had to notify the latter of the decision on the case. The Ministry of Internal Affairs (hereinafter the MVD) also showed interest in the cases of the professorial courts:

I have the honor to humbly ask Your Excellency not to refuse to notify me of what measures have been taken by the university authorities in relation to the students guilty of arranging the aforementioned gathering (September 12, 1908), and, in particular, whether they have been brought before the university court.¹⁹

The jurisdiction of the court included serious violations of the established rules committed in the buildings or establishments of an educational institution, cases of clashes between students and teachers (or officials), cases of student reprehensible misconduct, the penalties for which were not provided for by general laws, as well as those misdemeanors of students for which sentences or determinations of general judicial regulations had already been announced.²⁰ In 1903, cases of political demonstrations were withdrawn from the jurisdiction of professorial courts and transferred to the administration of educational institutions, and more serious ones, to the trustees,²¹ which inevitably led to the imposition of a court of administrative bodies. Professors opposed the restoration of mass expulsions because each such case excited students, who wanted to express sympathy for the affected comrades, and created a protracted crisis in university life.²²

Regarding judicial decision-making, let us note that the professors had a paternal attitude towards their students,²³ which limited the possibility of using harsh measures. Professors could not but take into account the attitudes within the student environment with which they were bound by their teaching duty.

rukovodstvu [File of the Mining Institute of Empress Catherine II. For information and guidance]. F. 963, op. 1, d. 5844, l. 46. TsGIA SPb.

¹⁹ “Deloproizvodstvo: obrashchenie o privlechenii k sudebnoi otvetstvennosti” [Proceedings: an appeal to bring to justice]. O volneniyakh sredi studentov goroda Peterburga 1908 g. [On unrest among students of the city of St Petersburg in 1908]. F. 733, op. 154, d. 159, l. 131. RGIA.

²⁰ “Ot i.o. yuriskonsul'ta Ministerstva narodnogo prosveshcheniya k G.K. Ul'yanovu” [From acting legal adviser at the Ministry of Public Education to G.K. Ulyanov]. O professorskom distsiplinarnom sude 24 aprelya 1908 g. [On the professorial disciplinary court, April 24, 1908]. F. 733, op. 154, d. 190, ll. 19–20. RGIA.

²¹ Ibid., l. 19.

²² “Minutes no. 63” [in Russian], in *Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St Petersburg University for 1907* (St Petersburg: Tipografiya M.V. Vol'fa, 1908), 334.

²³ “Zapiska V.A. Steklova ob otkaze uchastiya v deyatel'nosti professorskogo distsiplinarnogo suda” [V.A. Steklov's note on the refusal to participate in the activities of the professorial disciplinary court]. Po uchastiyu v professorskom distsiplinarnom sude [On participation in the professorial disciplinary court]. F. 162, op. 3, d. 80, l. 4. Arkhiv RAN SPb.

If there was a criminal component in the offence committed by a student, the student was subject to proceedings both in the professorial and in general court.²⁴ In practice, the professorial court often considered the threat of criminal punishment sufficient and refused to prosecute. For example, V. Reznik, a student of the Physics and Mathematics Faculty of the University, was released from the professorial court for his disgraceful behavior in a restaurant and charges of theft in 1912 due to the severity of the charge.²⁵ If a disciplinary penalty was applied along with a criminal one, the professors took into account the fact of the application of criminal punishment as a mitigating circumstance and confined their penalty to a reprimand.²⁶

The system of disciplinary measures was established by the rules on penalties and included penalties ranging from admonition to expulsion from an educational institution without the right to enroll in other higher education institutions.²⁷ M. Kovalevskii, professor of law and chairman of the professorial court of the Imperial St Petersburg University, believed that it would be desirable for the court to have more freedom in determining the degree of personal guilt of each of the defendants, which was quite consistent with the main idea of the court – the examination of each individual situation.²⁸

The transfer of cases to the professorial court was made by the head of the university through the inspector, approximately in the same way as it happened at the Mining Institute in 1913:

The director asks the professorial court to consider the act of the student P.I. Yakovlev, who is charged with assault and battery of the student S.A. Geller in a public place (in the dining room of the Mining Institute on November 15, 1913).²⁹

²⁴ “Minutes no. 58. Appendix” [in Russian], in *Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St Petersburg University for 1902*, 4.

²⁵ “Spravka o deyatel'nosti professorskogo distsiplinarnogo suda” [Information on the activities of the professorial disciplinary court]. O professorskom distsiplinarnom sude [On the professorial disciplinary court]. F. 14, op. 1, d. 11163, l. 9. TsGIA SPb.

²⁶ “Delo o privlechenii k professorskomu distsiplinarnomu sudu S.N. Kirillova” [The case of bringing S.N. Kirillov to the professorial disciplinary court]. Ob arestakh, isklyucheniakh, podchinenie glasnomu nadzoru politsii i s vospreshcheniem pedagogicheskoi deyatel'nosti, yanvar' 1907 – fevral' 1908 gg. [On arrests, expulsions, open police surveillance and the prohibition of pedagogical activity, January 1907 – February 1908]. F. 733, op. 153, d. 330, l. 37. RGIA.

²⁷ “Minutes no. 58” [in Russian], in *Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St Petersburg University for 1902*, 10–11.

²⁸ “Kovalevskii M.M. O mirnom techenii universitetskoi zhizni” [On peaceful course of university life]. Ob ustroistve politicheskikh mitingov v zdaniyakh, prednaznachennykh dlya vysshego prepodavaniya. Tetrad'. 1907 g. [On the organization of political rallies in the buildings intended for higher teaching. A notebook. 1907]. F. 103, op. 3, d. 45, l. 9. Arkhiv RAN SPb.

²⁹ “Obrashchenie direktora instituta k predsdatel'yu professorskogo distsiplinarnogo suda” [The appeal of the director of the institute to the chairman of the professorial disciplinary court]. O

The chairman of the court summoned a meeting through the secretary: “the office of the institute asks you to come on Monday, May 6, at 11 o’clock in the morning, to the Geology room,”³⁰ where the decision of the jurisdiction of the case was made. The defendant and the witnesses received similar summonses.³¹

If the defendant failed to appear before the court on summons or if he gave false testimony at the trial, he was subject to a penalty even when he was acquitted of the charge.³²

The following description allows us to reconstruct the order of interrogation:

The chairman of the court, Professor Foinitskii, asked who the chairman was, whether such and such spoke. When the interrogated refused to answer, they were told: “The only way to prove your innocence is to give the name of the culprit.” At the same time, photographs were shown, face-to-face interrogations were conducted.³³

Information about the election of judges, the initiation of cases by the court, and court sentences were published in the press, usually in the section ‘In educational institutions’ as a kind of illustration that the situation in universities was under control.³⁴

Student gatherings made a special category of cases considered by the professorial court. A number of questions arose: how to conduct the proceedings if more than 300 people were involved in a gathering, what consequences the sentence could have, how to motivate the refusal to consider such a case, etc. In cases where it was impossible to determine the perpetrators due to the large number of participants

professorskom distsiplinarnom sude. 1913 g. [On the professorial disciplinary court. 1913]. F. 963, op. 1, d. 5920, l. 31. TsGIA SPb.

³⁰ “Priglasenie chlenov professorskogo distsiplinarnogo suda na zasedanie” [Invitation of members of the professorial disciplinary court to the meeting]. F. 963, op. 1, d. 5920, ll. 16, 21. TsGIA SPb.

³¹ “Povestka-priglasenie na zasedanie professorskogo distsiplinarnogo suda” [Summons to the meeting of the professorial disciplinary court]. F. 963, op. 1, d. 5920, l. 4. TsGIA SPb.

³² “Prigovor za neyavku k professorskomu distsiplinarnomu sudu zhenskogo meditsinskogo instituta” [Sentence for failure to appear before the professorial disciplinary court of the Women’s Medical Institute]. Petrogradskii zhenskii meditsinskii institut [Petrograd Women’s Medical Institute]. Peregiska s popechitelem Peterburgskogo uchebnogo okruga ob organizatsii studencheskikh uchrezhdenii i vvedenii novykh vremennykh pravil. Spiski slushatel’nits instituta. [Correspondence with the trustee of the St Petersburg educational district on the organization of student institutions and the introduction of new temporary rules. Lists of students of the Institute]. F. 436, op. 3, d. 1, l. 99. TsGIA SPb.

³³ “Disciplinary courts” [in Russian], *Studencheskiye otkliki*, September 24, 1907.

³⁴ “In educational institutions” [in Russian], *Rech'*, October 2, 1909; *Ibid.*, October 4, 1909.

in the illegal actions, the court refused to consider the case, the instance of which took place at St Petersburg Institute of Technology in 1908:

... at the meeting of students of the institute which took place from 3 ½ to 9 pm on September 23 [1908] with the participation of 1470 students, the issue of a strike was raised. ... The professorial court refused to consider the case due to the impossibility of identifying the culprits.³⁵

In the same year, a similar refusal took place in the professorial court of the university. It refused to consider the case of a meeting held in February 1908, which was attended by 5,000 people.³⁶

In the year of its establishment, the professorial court was actually inactive. Professors and students needed time to familiarize themselves with the new rules.³⁷ Students met the news of the emergence of legal proceedings with mixed feelings. Everyone understood that in a year or two, their teacher would turn out to be the judge, and either the student himself or any of his fellows could appear among the defendants.³⁸

By the attitude to the professors participating in the activities of the court, students can be divided into several groups.

Representatives of the first group believed that professors did not understand student motives and were afraid to support their students. The participation of professors in court was seen as betrayal and considered as a compromise with the authorities. Students feared that the courts would become a dependent body, and the government would begin to purge universities of unreliable elements with professors' hands:

³⁵ "Upravlyayushchemu S.-Peterburgskogo uchebnogo okruga ot direktora S.-Peterburgskogo tekhnologicheskogo institute" [To the manager of the St Petersburg educational district from the director of the St Petersburg Institute of Technology]. Petrogradskii tekhnologicheskii institut imperatora Nikolaya II [Petrograd Technological Institute of Emperor Nicholas II]. Delo o proshedshei studencheskoi zabastovke, po povodu tsirkulyarov g. ministra narodnogo prosveshcheniya 26 maya i 25 iyunya [The file on the past student strike, regarding the circulars of the Minister of Public Education of May 26 and June 25]. F. 492, op. 2, d. 9917, l. 10. TsGIA SPb.

³⁶ "Obrashchenie rektora I.I. Borgmana k prorektoru F.A. Braunu" [The address of Rector I.I. Borgman to Vice-Rector F.A. Braun]. O volneniyakh sredi studentov goroda Peterburga 1908 g. [On unrest among students of the city of St Petersburg in 1908]. F. 733, op. 154, d. 159, ll. 22–22 ob. RGIA.

³⁷ "Prigovor professorskogo distsiplinarnogo suda" [The sentence of the professorial disciplinary court]. O professorskom distsiplinarnom sude 1904–1906 gg. [On the professorial disciplinary court, 1904–1906]. F. 733, op. 151, d. 299, l. 131. RGIA.

³⁸ "Minutes no. 58" [in Russian], in *Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St Petersburg University for 1902*, 74.

The government, represented by the professorial court, took into account the new type of student speech; it knew that the professorial court would be a worthy trial for such a gathering. Not by the gendarmes but the professors blacklisted the most discredited students, i.e. expelled them without the right of admission.³⁹

This is what N. Doroshenko, a student, recalled. N. Antsiferov was also annoyed at this:

Imagine our indignation that the presidium of our gathering was expelled! . . . and by whom? By our professors! < . . . > I could not agree that our professors are so ‘petty creatures’. It is necessary to find out what caused such an unfair measure.⁴⁰

The competence of the professorial courts was also questioned:

Being brought to life by the desire for a fair treatment of offended students, these courts showed much less understanding of the meaning and significance of judicial institutions than the gendarmerie authorities.⁴¹

The representatives of the second group recognized the inevitability of the existence of the courts and were convinced that professors were trying to protect students from mistakes made out of inexperience and unreason. This group can be represented by the students of the Women’s Medical Institute in a situation when on January 17, 1909, the director of the Institute S. Salazkin was fined 1,000 roubles for the impossibility to identify the guilty party for keeping illegal appeals. To soothe the bitterness of their guilt, the students raised money to pay the fine, but S. Salazkin refused it, saying that moral responsibility was impossible to pay off.⁴²

It would seem that the professorial court was supposed to become an institution which would prosecute students’ freedom of thought, but its existence was rather a

³⁹ N.V. Doroshenko, “The emergence of the Bolshevik organization at St Petersburg University and the first years of its existence” [in Russian], in *Leningrad University in the memoirs of contemporaries*, ed. by V. Mavrodin, vol. 2 (Leningrad: LGU, 1982), 48.

⁴⁰ Antsiferov, *From the thoughts about the past*, 179–80.

⁴¹ “Disciplinary courts” [in Russian], *Studencheskiye otkliki*, September 24, 1907.

⁴² “Ot upravlyayushchego S.-Peterburgskim uchebnym okrugom direktoru Zhenskogo meditsinskogo instituta” [From the manager of the St Petersburg educational district to the director of the Women’s Medical Institute]. *Sekretnaya perepiska. Tsirkulyary upravlyayushchego S.-Peterburgskim uchebnym okrugom i perepiska s peterburgskim gubernskim zhandarmskim upravleniem po lichnomu sostavu slushatelei instituta. 17 yanvarya 1909 g.* [Secret correspondence. Circulars of the manager of the St Petersburg educational district and correspondence with the St Petersburg governorate gendarme department on the list of the institute students. January 17, 1909]. F. 436, op. 3, d. 10, ll. 1, 3. TsGIA SPb.

call to consciousness. During the trial of the authors of the letter of accusation to King of Spain Alfonso XIII on October 18, 1909, the court decided to remove its authors to the category of non-matriculated (auditor) students, which caused indignation among the student community, especially in its socialist part. Here is how the member of the professorial court N. Kareev explained this decision to the student Antsiferov:

I am one of those who passed the sentence that outraged you so much. Do you understand what you have done? The Ambassador sent a complaint to the Ministry of Internal Affairs immediately. The only way we could save your presidium was to take the responsibility for punishing those guilty. We chose the most lenient option – to transfer them to auditor students. At best, your comrades would have been arrested and exiled.⁴³

According to this sentence, despite the rules adopted on June 11, 1907 which prohibited all gatherings and student meetings of non-academic nature, only two students were transferred to auditors⁴⁴ for the abovementioned decree and resolution of the student meeting.⁴⁵

The professorial court was lenient if the case concerned ideological proceedings since the members of the court themselves were not shy about “witticisms, caustic remarks against the party of political obscurantism.”⁴⁶ In his notes on educational policy, M. Kovalevskii noted:

The centuries-old experience of peoples enjoying political freedom proves that open expression of thoughts is incomparably less dangerous for the order and peace of the state than concealing them. Rallies end with the presentation of collective petitions which represent the average opinions. Conspiracies and political coups are prepared in secret silence.⁴⁷

⁴³ Antsiferov, *From the thoughts about the past*, 180.

⁴⁴ On June 11, 1907, the provisional regulations on student organizations and the organization of meetings within the walls of higher educational institutions were approved, according to which only academic meetings were allowed on the premises of higher education institutions. Responsibility for permitting meetings and student organizations was assigned to the leadership of an educational institution, and representative student bodies were prohibited. See *P.A. Stolypin, Program of reforms: documents and materials* [in Russian], 2 vol., vol. 2, ed. P.A. Pozhigailo (Moscow: ROSSPEN, 2011), 508.

⁴⁵ Professorial disciplinary court “O professorskom distsiplinarnom sude” [On the professorial disciplinary court]. F. 14, op. 1, d. 11163, l. 5. TsGIA SPb.

⁴⁶ Amfiteatrov, *Memoirs*, vol. 1, 119.

⁴⁷ “Kovalevskii M.M. O mitingakh” [Kovalevskii M.M. On rallies]. *Ob ustroistve politicheskikh mitingov v zdaniyakh, prednaznachennykh dlya vysshego prepodavaniya. Tetrad'*.

When it came to the consideration of the case of a meeting, V. Steklov, professor of mathematics and a member of the professorial disciplinary court of St. Petersburg University, literally flew into a rage:

Freedom for the student voice. Any voice from the student milieu is suppressed; an attempt to discuss their university affairs in a circle of their university fellows is timed to coincide with a state crime. Young people are forbidden to speak and think about their vital interests on pain of penalty, even at their universities. This is a mockery of the powerless.⁴⁸

Finally, the representatives of the third group believed that the existence of the professorial court was not necessary when it came to the issues of student honor; the student court, attempts to establish which were made at the Technological Institute and Forestry Institute,⁴⁹ should be an alternative (or co-operator) to the professorial court.

In many respects, the attitude of the representatives of all groups towards the court was determined by political sentiments. Nevertheless, both students and professors tried to maintain respectful internal corporate relations.⁵⁰

By the nature of the cases, we can conclude that despite the contemptuous attitude towards the court as a form of disciplinary action, students supported the decisions of the court when it came to cases that discredited the concept of student honor (insult, theft).

St Petersburg University was the first to experience the introduction of professorial courts. The news of the restoration of the institute of professorial courts, closed in 1884 under the new university charter, was received by the Council with hostility. Discussing the circular proposals of the Ministry of Public Education (hereinafter referred to as MNP) on September 16, 1902, Professor A. Markov said that professors had other responsibilities. He refused to elect the judges because he believed that this would prevent the professors from fulfilling their direct duties.⁵¹

1907 g. [On the organization of political rallies in the buildings intended for higher teaching. A notebook. 1907]. F. 103, op. 3, d. 45, l. 10. Arkhiv RAN SPb.

⁴⁸ “Zapiska V.A. Steklova ‘Svoboda studencheskomu golosu’” [V.A. Steklov’s note ‘Freedom to the student voice’]. Ob obshchestvennom dvizhenii v russkoi vysshei shkole (zametki, kopii dokumentov i statei [On the social movement in the Russian higher school (notes, copies of documents and articles)]. F. 162, op. 3, d. 113, l. 3 ob. Arkhiv RAN SPb.

⁴⁹ Danilevskii, *Report on the issue of the student honor court*, 9; “From the provinces: St Petersburg University” [in Russian], *Studencheskaya gazeta*, October 28, 1906; “In educational institutions” [in Russian], *Novoe vremya*, January 18, 1909.

⁵⁰ Antsiferov, *From the thoughts about the past*, 180.

⁵¹ “Minutes no. 58,” in *Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St Petersburg University for 1902*, 74.

The professors were in no hurry to fulfill their judicial duties. On March 16, 1904, on account of the accusation of delaying the case, the members of the court informed the trustee of their collective refusal to continue working in the professorial court. For this reason, they were accused by the trustee of the fact that “by filing the refusal, they violated the law that defines the duties of both a professor and a member of the disciplinary court.”⁵² Professors were reminded that they should show respect for their judicial duties.

Five years later, on December 17, 1907, with the beginning of the period of reaction which pinned on the courts certain hopes in the matter of pacifying the students, V. Steklov spoke out against the professorial court in principle. From his point of view, the duties of a member of the court were incompatible with the title of professor, and the institution of a disciplinary court could bring nothing but harm.⁵³ In his opinion, the main goal of the teaching staff was to achieve mutual understanding and agreement with students:

We are systematically disconnected with our closest and most precious thing, our children. For us, the government poses a dilemma: “Either give up all influence on your sons and daughters and leave them at our disposal or they will be expelled from the University for petty contradictions to our orders.”⁵⁴

It was assumed that only those professors who gave their consent would participate in the elections. However, at the very first elections, three of the five elected professors refused to take on the assigned judicial duties.⁵⁵ Exclusively voluntary participation turned out to be impossible. The University consisted of about 30 tenured professors,⁵⁶ and each year 5 judges and 5 candidates were elected. There

⁵² “Ofitsial'noe pis'mo popechatelya Khar'kovskogo uchebnogo okruga i protokol rasporyaditel'nogo zasedaniya Khar'kovskogo distsiplinarnogo suda ot 16 marta 1904 g.” [Official letter of the trustee of the Kharkov educational district and the minutes of the assignment meeting of the Kharkov disciplinary court of March 16, 1904]. Po uchastiyu v professorskom distsiplinarnom sude [On participation in the professorial disciplinary court]. F. 162, op. 3, d. 80, ll. 4, 5. Arkhiv RAN SPb.

⁵³ “Minutes no. 63,” in *Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St Petersburg University for 1907*, 336.

⁵⁴ “Tetrad' V.A. Steklova” [V.A. Steklov's notebook]. Po uchastiyu v professorskom distsiplinarnom sude [On participation in the professorial disciplinary court]. F. 162, op. 3, d. 113, l. 3. Arkhiv RAN SPb.

⁵⁵ “Minutes no. 58,” in *Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St Petersburg University for 1907*, 119.

⁵⁶ *Personnel of the Imperial St Petersburg University. 1908* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1908), 2–3, 12–13, 21–23, 29–31.

was a situation when sooner or later each professor would have to take this responsibility.

During the short period of autonomy (which began with the introduction of the provisional rules on August 27, 1905 and ended with the provisional rules as of June 11, 1907⁵⁷) when the activities of the courts were paralyzed, the University professors refused to take measures to prevent gatherings and then to bring the presidium of the gatherings to court.⁵⁸

Dean of the Faculty of Law D. Grimm had expressed the idea about the liquidation of the professorial court earlier, which is why it was no coincidence that he supported this proposal made by V. Steklov. Expressing the opinion of the Council in 1907, he proposed to terminate the activity of the professorial court since in some higher educational institutions it actually did not exist, in others it was inactive, and most importantly, it was necessary to save the professors from that fate.⁵⁹

The court at the Institute of Technology was an example of this inaction. Formally in existence, it did not function until 1904. From 1904 to 1907, three cases were considered, and five cases were refused. According to the director of the Institute of Technology A. Voronov, the disciplinary court was necessary in solving administrative but not socio-political issues.⁶⁰

The professorial court of the Polytechnic Institute was different from the court at the university. From the very beginning of its existence, the institute enjoyed freedom of its inner life. The news of the introduction of professorial courts was received by its Council with hostility, but a compromise was found. The rules of the institute stated that only in especially important cases which could entail dismissal for a period or expulsion, the Council of the institute appointed a special commission of 3 professors to investigate the case and report to the Board. All other student cases were assigned to one of the professors for consideration.⁶¹ There were no such rules at any other university.

Such self-will could not be ignored by the MNP. This is evidenced by the constant explanations of the director of the Polytechnic Institute about the reasons for his failure to take measures in relation to misconduct which violated the rules. No

⁵⁷ “On the introduction of interim rules of the management of higher education institutions of the Ministry of Public Education. August 27, 1905,” PSZRI-3, vol. 25, no. 26692; “On student organizations and the organization of meetings within the walls of higher educational institutions. June 11, 1907,” PSZRI-3, vol. 27, no. 29274.

⁵⁸ “Rector’s reply letter to the mayor” [in Russian], *Studencheskaya gazeta*, October 28, 1906.

⁵⁹ *The meeting of the heads of higher education institutions chaired by the Minister of Public Education N.M. von-Kaufmann in April 1907* [in Russian] (St Petersburg: [n.p.], 1907), 43.

⁶⁰ *Ibid.*, 44.

⁶¹ N.P. Gerbyleva, ed., *St Petersburg Polytechnic University in the 20th – early 21st century. Historical essays about its heads* [in Russian] (St Petersburg: SPbGPU, 2005), 21–23.

matter how much A. Gagarin tried to convince the MNP that there was no sufficient ground for revolutionary propaganda at the institute, in April 1907 the director, deans, and head of students were brought to justice for inaction in eliminating the riots which, among other things, led to the storage of weapons in the student dormitory. The Board never blamed the students for their political beliefs but considered the institute a place for science where only academic activities could be conducted. After attending the search of the institute, A. Gagarin had a long conversation with the students explaining to them that they could let off steam at student parties (in the dormitory, for example), but not at the institute desks.⁶²

The existence of the court was also a challenge for the director of the Women's Medical Institute S. Salazkin, who called a meeting without waiting for an appeal from the trustee (demanding a report on the incidents and bringing the culprits to court). There were other reasons for the immediate consideration of cases, for example, when it came to the 317 accused⁶³ who participated in the meeting on October 3, 1907.

In May 1908, the director of the Women's Medical Institute made a proposal to the Council that it was impossible to refuse to be elected. The status of a member of the court inflamed the relationship not only between the professors and the students but also between the professors themselves. Professors V. Bekhterev and P. Albitsky appealed to the Council with a request to withdraw their candidacies since they had already performed this duty before, but they were refused. Re-election led to a scandal in the Council.⁶⁴

At a ministerial meeting in April 1907, professor of Kiev Higher Education Women's Courses N. Bubnov, who was associated with the capital university by the

⁶² "Deloproizvodstvo uchebnogo otdela. 24 fevralya 1907 g. № 1014." [Records of the academic registry February 24, 1907. No. 1014]. Petrogradskii Politekhnikeskii institut imperatora Petra Velikogo. Snosheniya s uchebnym otdelom. 1907 [Petrograd Peter the Great Polytechnic Institute. Relations with the academic registry. 1907]. F. 478, op. 14, d. 223, l. 6. TsGIA SPb. After A. Gagarin was fired, the dormitory was closed.

⁶³ "Proshenie direktora S.-Peterburgskogo meditsinskogo instituta S.S. Salazkina" [Petition from the director of the St Petersburg Medical Institute S.S. Salazkin]. Ob arestakh, isklyucheniakh, podchinenii glasnomu nadzoru politzii i s vospreshcheniem pedagogicheskoi deyatel'nosti [On arrests, expulsions, open police surveillance and the prohibition of pedagogical activity]. F. 733, op. 153, d. 330, l. 10. RGIA.

⁶⁴ "O vyborakh v professorskii distsiplinarnyi sud" [On elections to the professorial disciplinary court]. Delo S.-Peterburgskogo zhenskogo meditsinskogo instituta. Perepiska s popechitelem S.-Peterburgskogo uchebnogo okruga ob organizatsii studencheskikh uchrezhdenii i vvedenii novykh vremennykh pravil, spiski slushatel'nits zhenskogo meditsinskogo instituta [File of St Petersburg Women's Medical Institute. Correspondence with the trustee of the St Petersburg educational district on the organization of student institutions and introduction of new temporary rules, lists of female medical students]. F. 436, op. 3, d. 1, l. 187. TsGIA SPb.

education received within its walls and years of teaching, spoke out categorically against further existence of the professorial court, referring to his own two-year experience in it. N. Bubnov argued that when it came to a gathering or a violation of order such as singing songs in the corridor, the impossibility of identifying the culprits was an insurmountable obstacle. The professor believed that dealing mainly with cases of mass riots, such a court could not be of great significance. He also proposed an alternative – a general court of jurors or class representatives. The most important thing was that, according to N. Bubnov, professors should have been spared from this duty.⁶⁵

The opinion of the professors did not affect the minister of Public Education. The court continued to exist, but its activities were improved. On January 24, 1908, the Instruction to the Professorial Court was adopted, which was supposed to unify the disciplinary system. The last university to introduce the new instruction in November 1909 was the Mining Institute.⁶⁶

The introduction of the instruction did not change the situation. The professors could not clearly define their position in relation to the government and the students. I. Grevs, Professor of History at Higher Education Women's Courses (Bestuzhev Courses), also believed that. He considered that the main task was to determine the stance on the students: "What are we going to do next, what are we going to create and what to destroy?"⁶⁷

The cases chosen for analysis in the article can be divided into 2 groups: (1) cases of socio-political nature (of gatherings, distribution of political appeals, storage of prohibited literature (9 cases)) and (2) cases of moral nature (of behavior unworthy of an honest student: insulting words and deeds; theft, cheating (6 cases)), with a predominance of socio-political cases. The attitude of professors to cases of student honor indicates that the professorial court was not only a body of disciplinary influence on students, but it also fulfilled the educational task of developing ideas about morality and student honor in relation to students.

By establishing professorial courts, the MNP expressed its firm belief that the professors would make it their duty to justify the trust placed in them by handing over the internal judiciary power. But the MNP's and the professors' views on public service differed. The latter believed that their priority was academic and moral education of future citizens. The ministry also added to this task the protection of

⁶⁵ *The meeting of the heads of higher educational institutions*, 39.

⁶⁶ "Uchebnyi otdel Gornogo institute" [Academic registry of the Mining Institute]. Delo Gornogo instituta imperatritsy Ekateriny II. K svedeniyu i rukovodstvu [File of the Mining Institute of Empress Catherine II. For information and guidance]. F. 963, op. 1, d. 5844, l. 44. TsGIA SPb.

⁶⁷ "Zapiski I.M. Grevs" [Notes of I.M. Grevs]. Grevs I.M. Universitet i pravitel'stvo, professora i studenty pod stolypinskim rezhimom [The university and the government, professors and students under the Stolypin regime]. F. 726, op. 1, d. 62, ll. 1, 4. Arkhiv RAN SPb.

students from social and political activities and did not admit the idea that “friendly and diligent enlightenment of students, in this case by professors, would not have any effect on the general state of minds.”⁶⁸

During its existence, the professorial court secured an important function, that of moral education. On January 15, 1908, in a letter to A. Schwartz (shortly after his appointment as Minister of Public Education), P. Stolypin pointed out that professors should have as much moral influence on students as possible, which would be more effective than measures to tighten and preserve order within the walls of higher education institutions.⁶⁹

Certain practice of court hearings led to the disapproval of the court decisions made by the professors on the part of the Ministry of Internal Affairs. The correspondence between the MVD and the MNP in January 1908 reflected distrust not only of the professors who were members of the professorial courts but also of the university board. This was the case, for example, with university professors I. Pokrovsky and M. Pergament, whom the MVD suspected of biased decision-making and attempts to counter the MNP.⁷⁰ The rector was also watched:

... in the absence of supervision, the rector is currently neither the master of the educational institution entrusted to him, nor he is even aware of what is happening during the unrest within its walls in most cases. This entails the impossibility of bringing to justice (disciplinary court) violators of the correct course of educational life.⁷¹

It was not left without a response; a corporation stood up to defend its general opinion, which was expressed by Professor S. Salazkin director of the Women’s Medical Institute:

⁶⁸ “Obrashchenie ot kantselyarii Ministerstva narodnogo prosveshcheniya k popechitel'yu, 4 yanvarya 1902” [Appeal from the office of the Ministry of Public Education to the trustee, January 4, 1902]. Perepiska s popechitelem Peterburgskogo uchebnogo okruga ob organizatsii studencheskikh uchrezhdenii i vvedenii novykh vremennykh pravil. Spiski slushatel'nits instituta [Correspondence with the trustee of the St Petersburg educational district on the organization of student institutions and the introduction of new temporary rules. Lists of students of the institute]. F. 436, op. 3, d. 1, l. 19. TsGIA SPb.

⁶⁹ “Perepiska po uchebnym zavedeniyam” [Correspondence on educational institutions]. O volneniyakh sredi studentov goroda Peterburga [On unrest among students of the city of St Petersburg]. F. 733, op. 154, d. 159, l. 67. RGIA.

⁷⁰ “Departament politsii – A.N. Shvartsu” [Police Department to A.N. Schwartz]. F. 733, op. 154, d. 159, l. 1. RGIA.

⁷¹ “Minutes no. 67,” in *Minutes of the meetings of the Council of the Imperial St Petersburg University for 1911* [in Russian] (St Petersburg, 1913), 22.

While striving to establish a normal course of educational life, Councils of higher schools can take only those measures which do not contradict the very spirit of higher education, do not contradict the dignity of the council members and do not undermine its moral authority both in its own eyes and in the eyes of the students. The court again forms an impassable chasm between students and professors.⁷²

The World War shifted the focus of attention from the disciplinary system of universities. In 1916, while drafting a new charter, the MNP decided to terminate the activities of the professorial courts. The charter was not adopted, and the last case considered by the professorial court at the Higher Education Women's Courses, dated February 22, 1917, was "an illegal gathering and discussion of political issues" which took place on February 10. The students were reprimanded.⁷³ After that professorial courts were convened any more.

Conclusion

The emergence of the professorial court was primarily a government response to unrest in the student community. However, reviving professorial courts, the government was striving not only to promote peace in university life. On the one hand, it was guided by the desire to use the authority of professors in matters of restoring order and civil moral education, and on the other, to create another boundary between students and professors in order to avoid their rapprochement.

The establishment of professorial courts was caused by the need to solve a number of problems. Firstly, it was necessary to get an opportunity to control students at a university and to establish order. The government hoped that it would be easier for students to accept punishment from their teachers, which would be a compromise between the authorities and the university. Secondly, the activity of the professorial courts was supposed to become a concession in terms of university autonomy, in the sphere of making independent decisions on internal issues of discipline (the fact that the professorial courts considered cases directed from above actually impeded the implementation of this autonomy), and at the same time to

⁷² "Otvét professora Salazkina na tsirkulyar ot 11 iyunya 1907 g." [Professor Salazkin's reply to the circular of June 11, 1907]. *Perepiska s popechitelem Peterburgskogo uchebnogo okruga ob organizatsii studencheskikh uchrezhdenii i vvedenii novykh vremennykh pravil. Spiski slushatel'nits instituta* [Correspondence with the trustee of the St Petersburg educational district on the organization of student institutions and the introduction of new temporary rules. Lists of students of the institute]. F. 436, op. 3, d. 1, l. 177. TsGIA SPb.

⁷³ "Zasedanie professorskogo distsiplinarnogo suda ot 22 fevralya 1917 g." [Session of the professorial disciplinary court of February 22, 1917]. *Petrogradskie vysshie zhenskie kursy* [Petrograd Higher Education Courses for Women]. *O studencheskikh besporyadkakh i o professorskom distsiplinarnom sude. 1902–1917 gg.* [On student riots and professorial disciplinary court. 1902–1917]. F. 113, op. 1, d. 25, l. 344. TsGIA SPb.

restore the boundaries between professors and students. Thirdly, it was necessary to demonstrate to the society a high degree of trust shown to professors and students, the former of which would become fairer in their decisions, and the latter, more conscious under the influence of their teachers' authority.

Another question is what the professorial court should have been like, in the opinion of the students and professors. Most of the students reacted to the professors' participation in trials with hostility, and the trust between them was undermined. In students' opinion, having come under control of the government, the professors ceased to be an independent corporation. This opinion was held mainly by the representatives of the student opposition who equated the desire of the professors not to enter into confrontation with the government to cowardice. In the minority were those who put their relations with teachers above the judicial department and understood the need for the introduction of professorial courts, especially when it came to meetings on socio-political issues for which one could get a much more severe penalty outside the walls of the university.

For most professors, to accept the position of judge was not an easy decision. It was clear to everyone that no one could avoid the fate of being a judge. Professors urged students to be conscious in order to avoid disciplinary proceedings and did not appreciate participation in such autonomous university proceedings, as the Ministry of Education presented them.

Independence of universities and the attempts to stay away from the system of disciplinary action aroused suspicion and tension in relations with the MNP which placed great hopes and responsibility on the professorial court in the period following the First Russian Revolution. The activities of the courts were constantly monitored by the government because of the suspicion of bias in their decisions. It was not possible to turn the professorial courts into a pacification body, and the professors who were to judge students could not ignore the views of their pupils.

Список литературы

Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: в 2 т. – Москва: Новое литературное обозрение, 2004. – Т. 1. – 580 с.

Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. – Москва: Феникс, 1992. – 512 с.

Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, 1984. – 218 с.

Брачев В.С. Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. – Санкт-Петербург: Астерион, 2014. – 254 с.

Вишленкова Е.А., Галуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012. – 656 с.

Головки Л.В., Ильютченко Н.В. Профессорский дисциплинарный суд при Императорском Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2004. – № 6. – С. 94–110.

Данилевский В.Я. Доклад по вопросу о суде студенческой чести. – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1902. – 20 с.

Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под редакцией Т. Маурер и А. Дмитриева. – Москва: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 105–204.

Дорошенко Н.В. Возникновение большевистской организации в петербургском университете и первые годы ее существования // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3 т. / под редакцией В.В. Мавродина. – Ленинград: ЛГУ, 1982. – Т. 2. – С. 46–51.

Еремина Т.И. Университетский суд как элемент правового статуса университетов Российской империи // Правовая инициатива. – 2014. – № 4. – URL: <http://внпж.рф/ru/2014/4/7> (дата обращения: 06. 05. 2020)

Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. – Москва: Наука, 1966. – 374 с.

Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. – Москва: Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1991. – 392 с.

Ростовцев Е.А. Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / ответственный составитель А.Ю. Андреев. – Москва: РОССПЭН, 2009. – С. 139–156.

Санкт-Петербургский политехнический университет в XX – начале XXI в. Исторические очерки о его руководителях / под редакцией Н.П. Гербылевой. – Санкт-Петербург: СПбГПУ, 2005. – 460 с.

Сюзов В.В. Профессорский дисциплинарный суд в вузах Российской империи // Вестник науки и образования. – 2015. – 5 (7). – С. 101–105.

Alston P.L. Education and the State in Tsarist Russia. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1969. – 322 p.

Brower D.R. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1975. – 248 p.

Gilbert G. The radical right in late imperial Russia. – London; New York: Routledge, 2016. – 258 p.

Kassow S.D. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. – Berkeley: University of California Press, 1989. – 438 p.

Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998. – 959 S.

Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. – New York: Oxford University Press, 1998. – 288 p.

References

Alston, P.L. *Education and the State in Tsarist Russia*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1969.

Amfiteatrov, A.V. *Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlya sebya i dlya mnogikh* [The life of a person who is inconvenient for himself and for many others]. 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. (In Russian)

Antsiferov, N.P. *Iz dum o bylom: Vospominaniya* [From the thoughts about the past: Memories]. Moscow: Feniks, 1992. (In Russian).

Borisenko, M.V. *Studenchestvo Peterburga v 1907–1914-e gg.* [The students of St Petersburg in 1907–1914]. PhD diss. A.A. Zhdanov Leningrad State University, 1984. (In Russian)

Brachev, V.S. *Studencheskie besporyadki, professorskaya korporatsiya i vlast'. Sankt-Peterburgskii universitet v 1907–1911 gg.* [Student riots, professorial corporation and the authorities. St Petersburg University in 1907–1911]. St Petersburg: Asterion, 2014. (In Russian)

Brower, D.R. *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1975.

Danilevskii, V.Ya. *Doklad po voprosu o sude studencheskoi chesti* [Report on the issue of the student honor court]. St Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1902. (In Russian)

Dmitriev, A.N. “Po tu storonu ‘universitetskogo voprosa’: pravitel'stvennaya politika i sotsial'naya zhizn' rossiiskoi vysshei shkoly (1900–1917 gody)” [On the other side of the ‘university issue’: government policy and social life of Russian higher school (1900–1917)]. In *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)* [The university and the city in Russia (the early 20th century)], edited by T. Maurer and A. Dmitriev, 105–204. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. (In Russian)

Doroshenko, N.V. “Vozniknovenie bol'shevistskoi organizatsii v peterburgskom universitete i pervye gody ee sushchestvovaniya” [The emergence of the Bolshevik organization at St Petersburg University and the first years of its existence]. In *Leningradskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Leningrad University in the memoirs of contemporaries], 3 vols., edited by V.V. Mavrodin, vol. 2, 46–51. Leningrad: LGU, 1982. (In Russian)

Eremina, T.I. “Universitetskii sud kak element pravovogo statusa universitetov Rossiiskoi imperii” [University court as an element of the legal status of universities in the Russian Empire]. *Pravovaya initsiativa*, no. 4 (2014). Accessed May 6, 2020. <http://vnpjz.pf.ru/2014/4/7> (In Russian)

Erman, L.K. *Intelligentsiya v pervoi russkoi revolyutsii* [The intelligentsia in the First Russian Revolution]. Moscow: Nauka, 1966. (In Russian)

Gerbyleva, N.P., ed. *Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii universitet v XX – nachale XXI v. Istoricheskie ocherki o ego rukovoditelyakh* [St Petersburg Polytechnic University in the 20th – early 21st century. Historical essays about its heads]. St Petersburg: SPbGPU, 2005. (In Russian)

Gilbert, G. *The radical right in late imperial Russia*. London; New York: Routledge, 2016.

Golovko, L.V., and N.V. Il'yutchenko. “Professorskii distsiplinarnyi sud pri Imperatorskom Moskovskom universitete” [Professorial disciplinary court at Imperial Moscow University]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, no. 6 (2004): 94–110. (In Russian)

Ivanov, A.E. *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Higher school of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Akademiya nauk SSSR, Institut istorii SSSR, 1991. (In Russian)

Kassow, S.D. *Students, Professors, and the State in Tsarist Russia*. Berkeley: University of California Press, 1989.

Maurer, T. *Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte*. Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau, 1998.

Morrissey, S.K. *Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism*. New York: Oxford University Press, 1998.

Rostovtsev, E.A. “Akademicheskaya korporatsiya Sankt-Peterburgskogo universiteta v nachale XX v.: otnoshenie k vlasti i grazhdanskomu obshchestvu” [Academic corporation of St Petersburg University at the beginning of the 20th century: attitude to the authorities and to civil society]. In *‘Byt’ russkim po dukhu i evropeitsem po obrazovaniyu’: Universitety rossiiskoi imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy XVIII – nachala XX v.* [‘To be Russian in spirit and European in education’: Universities of the Russian Empire in the educational space of Central and Eastern Europe in the 18th – early 20th centuries], compiled by A.Yu. Andreev, 139–56. Moscow: ROSSPEN, 2009. (In Russian)

Suyazov, V.V. “Professorskii distsiplinarnyi sud v vuzakh Rossiiskoi imperii” [Professorial disciplinary court at the universities of the Russian Empire]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, no. 5 (7) (2015): 101–05. (In Russian)

Vishlenkova, E.A., R.Kh. Galiullina, and K.A. Il'ina. *Russkie professora: universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost'* [Russian professors: university corporatism or professional solidarity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. (In Russian)

Информация об авторе

Екатерина Александровна Смирнова – библиотекарь, <https://orcid.org/0000-0002-6266-6444>, katerina.a.smirnova@gmail.com, Российская национальная библиотека (191069 Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 18)

Information about the author

Ekaterina A. Smirnova – librarian, <https://orcid.org/0000-0002-6266-6444>, katerina.a.smirnova@gmail.com, the Russian National Library (d. 18, ul. Sadovaya, Sankt-Peterburg, Russia 191069)

Статья поступила в редакцию 04.08.2020; одобрена после рецензирования 01.09.2020; принята к публикации 08.09.2020.

The article was submitted 04.08.2020; approved after reviewing 01.09.2020; accepted for publication 08.09.2020.